

Елена Рєйн

18+

МЫ НЕ МОЖЕМ
БЫТЬ ДРУЗЬЯМИ

Любовь без предупреждения

Елена Рейн

Мы не можем быть друзьями

«Автор»

2026

Рейн Е.

Мы не можем быть друзьями / Е. Рейн — «Автор»,
2026 — (Любовь без предупреждения)

Я выросла в детдоме. Шесть возвратов – шесть ударов по вере в людей. Но я не сломалась. Решила: если не получилось быть идеальной дочерью, стану идеальной женой. Нашла своего мужчину, обрела опору. Думала, худшее позади. Пока не появился ОН. Один его взгляд – и внутри страх сплетается с запретным огнем. Он может разрушить все. Но я больше не та девочка. Это моя жизнь. Мое счастье. И я не сдамся без боя.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Елена Рейн

Мы не можем быть друзьями

Глава 1

Темноволосая девочка с огромными голубыми глазами хлюпала носом, не отрывая взгляда от красивой женщины, которую она очень любила.

Ирина Олеговна была из тех женщин, чья красота не кричала о себе, а говорила тихим, уверенным голосом. Стройная, с горделивой осанкой, она держала спину прямо даже сейчас, когда внутри все рушилось. Ее темные волосы, чуть тронутые серебром на висках, были собраны в аккуратный пучок, несколько непослушных прядей выбивались и падали на лицо. Тонкие руки с длинными пальцами двигались плавно, почти ритуально: она складывала детские вещи в розовый чемодан на колесиках – бережно, почти любовно, разглаживая каждую складочку, поправляя воротнички. Время от времени женщина замирала на мгновение, машинально вытирала слезы тыльной стороной ладони, будто пытаясь стереть и ту боль, что сжимала сердце, и снова принималась за дело.

Женщина подняла глаза на девочку и медленно покачала головой. В этом жесте было все – и боль, и отчаяние, и неизбежность того, что должно произойти. Она собиралась вернуть ее в детский дом.

Спустя семь лет.

Счастливых лет.

Нет, все действительно было замечательно. Они с мужем любили девочку, точнее, любила она, потому что сама не могла забеременеть. Сколько ни пыталась – ничего не помогало: ни ЭКО, ни изматывающие процедуры, ни надежды, которые раз за разом разбивались о холодный вердикт врачей.

Однажды, после очередного приема, когда доктор произнес приговор – «никогда не сможете родить», – она бесцельно бродила по парку, пытаясь унять боль, разрывающую душу на части. И вдруг увидела их: группу детей, которых вели на прогулку. Среди них была одна девочка – та самая, с темными волосами и огромными голубыми глазами. Она крепко, до победения костяшек, сжимала в руках книжку, будто это была единственная опора в мире. В тот миг что-то щелкнуло внутри: она поняла, что нашла выход.

«Дочка У меня будет дочка!» – пронеслось в голове. Эта маленькая, хрупкая звездочка непременно должна стать ее дочерью.

Муж был против. У него уже были сыновья от первого брака, и он не видел смысла брать чужого ребенка. Но, глядя на то, как Ольга страдает, как медленно сходит с ума от неутолимого желания быть матерью, он не смог ее остановить.

И потом все действительно стало замечательно. Семь лет счастья – целых семь лет, наполненных смехом, объятиями, утренними завтраками и вечерними сказками. Муж постепенно оттаял: он не говорил о любви к девочке открыто, но относился тепло, подоброму, иногда даже шутил с ней и помогал с уроками.

Но однажды на пороге появилась она – красивая, сияющая молодая женщина с округлившимся животом. И их жизнь, такая хрупкая и выстроенная с таким трудом, полетела к чертям. Муж ушел к ней. Этого она до сих пор не могла принять.

«Как же так?» – билось в голове снова и снова.

Она была верной женой, любящей, заботливой. Она воспитывала его детей, когда он привозил их на выходные, старалась быть идеальной во всем: дом всегда сиял чистотой, ужин ждал

на столе, а она – свежая, ухоженная, готовая поддержать и понять. Она делала все, чтобы он любил ее еще больше, чем тогда, когда она «забрала» его у первой жены.

А теперь какаято девчонка, едва ли старше его второго сына, забрала его у нее.

«*И ему столько лет Как он мог?*» – думала Ольга с горечью. Она и представить не могла, что он способен на такое.

Куда теперь? Работы нет – когда-то она отказалась от карьеры переводчика, потому что все время уходило на то, чтобы быть идеальной женой. Дома нет – квартира принадлежала ему. Все, что у нее осталось, – это маленькая девочка, которую она когда-то выбрала, а теперь должна отдать обратно.

Ирина Олеговна всхлинула и, вновь взглянув на девочку, тихо, почти шепотом, пробубнила:

– Ну не смотри ты так на меня, милая. Я ничего не могу поделать. У меня нет денег, чтобы тебя содержать, а Антон не будет. У него скоро родная дочь родится, а мы мы больше не нужны.

Надеясь на чудо, маленькая девочка кинулась к матери. Она не верила, не могла поверить в эти жестокие слова от той, кого любила всей душой. Ей казалось: вот сейчас она обнимет маму крепко-крепко, и та растает, поймет, что все будет хорошо. Обхватив женщину за талию изо всех сил, она с отчаянием воскликнула:

– Мамочка, ну пожалуйста, не отдавай меня! Я буду самойсамой послушной, я буду тебе помогать, я буду все делать!

Женщина не выдержала – слезы хлынули ручьем из глаз. Она с силой сжала хрупкое тельце в объятиях и взвыла:

– Не мучай ты меня! Пожалуйста

Потом, словно очнувшись, она оттолкнула девочку и, закрыв глаза, выдавила сквозь ком в горле:

– Зря я тебя взяла. А ведь Антон не хотел. Не хотел. А я думала только о себе. Эгоистка! Дура! Но он ушел. Ушел к той, что родит. А я ничего не смогла! Ничего! Только взяла тебя, поставив крест на своей карьере.

– Мамочка Мамочка! Не оставляй меня, – продолжала Кристина, все еще не понимая до конца, что происходит.

– Да и как бы он не ушел? Взять чужую девочку Антон ведь отговаривал меня, говорил, что чужой ребенок – это бомба замедленного действия, что чужая кровь, что ничего хорошего не будет. А я не слушала, думала, что ты понравишься ему – голос женщины дрожал, срывался.

Девочка задрожала, слезы покатались по щекам. В голове билась одна мысль: «Это я виновата. Я плохая. Я не убирала игрушки, плакала»

– Мамочка, я буду послушной. Буду! Всегда буду! – прошептала Кристина, протягивая руки. Она верила, что мама ее не оставит.

Мягкие руки, которые когда-то обнимали ее с такой нежностью, теперь оттолкнули. Девочка отлетела назад и упала на пол, с ужасом глядя на мать, которая поспешно отошла к окну и, не оборачиваясь, произнесла:

– Иди в свою комнату! Уже все решено, и тебя ждут. Я ничего не могу сделать.

Девочка отпрянула, словно от удара, и в тот же миг бросилась к двери. Обида и разочарование, сковавшие ее душу, дали толчок – она мчалась, не разбирая дороги, чуть не сбив стул на пути. Слезы, катившиеся по щекам, застилали глаза. Изза них размывались знакомые очертания комнат, которые вдруг перестали быть родными. Кристина ворвалась в свою комнату, захлопнула дверь и прижалась к ней спиной. Медленно скатываясь вниз, она чувствовала, как внутри все сжимается от острой, колючей боли. Громкий плач вырывался из груди – отчаянный, безысходный, а слезы обжигали щеки. В голове крутилась одна мысль:

«*Мамочка, как же так? Ведь я же люблю тебя*»

С ней не играли. Презирали за то, что ее взяли в богатую семью, окружили шелестом шелковых платьев и звонким смехом, одарили вниманием, а когда она надоела, выкинули, как старую игрушку, потерявшую блеск. Дети в ее квартире, как назывались комнаты ее группы, смеялись, называя отбросом. И это еще легкое слово – за спиной звучали и куда более жестокие.

Кристина часто пряталась в подвале – темном, сыром, пропахшем плесенью и старыми тряпками. Здесь, среди пыльных ящиков и забытых вещей, ее никто не мог достать и обидеть. Она прижималась спиной к холодной стене, обхватив колени, и пыталась унять дрожь, слушая, как наверху топают ноги и раздаются громкие голоса.

Как же она их ненавидела. Ненавидела и боялась до ледяного комка в груди, до перехваченного дыхания.

Сжав себя за плечи, девочка качалась взад-перед, обдумывая то, как сильно хочет кушать. Сегодня как раз не получилось пообедать, суп оказался на полу, и ее еще наказали за баловство. Когда воспитатели не видели или не хотели видеть, ее обкидывали едой, швыряли корки, а если на обед было что-то особенно вкусное, просто забирали тарелку.

А сегодня должны быть пюре и котлета – та самая, сочная, с золотистой корочкой, которую она так любила. Мысль об этом заставила желудок болезненно сжаться.

Вздыхнув, девочка решила идти, как вдруг скрипнула дверь и послышались шаги. Много шагов – гулких, тяжелых, неумолимых.

Девочка поднялась, понимая, что пришли к ней.

И толпой.

В грязное помещение ворвалась шумная ватага – те, кого Кристина бесконечно боялась. Впереди, как всегда, шла Дарья – старше всех, с высокомерным взглядом и идеально уложенными локонами. Она резко распахнула дверь, шагнула внутрь и, окинув подвал презрительным взглядом, громко объявила:

– Ну что, кто из отбросов у нас тут прячется?

Рядом с Дарьей как тень, следовал влюбленный в нее Артем. Он нервно теребил край футболки, бросая взгляды на девушку, и тут же, повинувшись ее едва заметному кивку, пнул носком ботинка старый ящик, который с грохотом покатился к ногам Кристины.

Следом вбежала Юлька Сладкова с ехидной ухмылкой и прищуренными глазами. Она подскочила к Кристине, щелкнула пальцами у нее перед лицом и, кривляясь, пропищала:

– Что, принцесса отбросов, скучаешь в своем дворце?

Чуть поодаль держалась Валя – пухлая, вечно что-то жующая, с маленькими колючими глазками. Она шумно откусила кусок яблока, прожевала и, ткнув пальцем в сторону Кристины, хрипло рассмеялась:

– Опять прячется? Но от нас не спрячешься!

А позади всех, прячась за спинами остальных, шла Вера – худенькая, бледная, с бегающими глазками. Она тихонько подкралась сзади, резко дернула Кристину за косу и тут же отскочила, хихикая.

И они все ее ненавидели.

Но за что, Кристина не понимала.

Она ведь ничего не делала. После того как вернулась, девочка постоянно была одна, стараясь не реагировать на смех и поддразнивания, но им было этого мало. Недостаточно. Им нужна была жертва – та, кто будет бояться и плакать, кто станет мишенью их жестокости.

Кристина старалась их избежать, но когда поняла, что это невозможно, пыталась отбиться. Получалось плохо, но это лучше, чем терпеть унижения. Девочка вскинула руки, отмахиваясь от Юльки, и отступила к стене, прижавшись к ней спиной.

Сглотнув, Кристина спросила, стараясь, чтобы голос не дрожал:

– Что вам нужно?

– А мы так и подумали, что отброс найдем среди отбросов, — прошипела Дарья, делая шаг вперед и наступая на Кристину.

– Точноточно! – весело поддакнула Вера, пряча глаза и нервно комкая подол платья.

– Что, принцесса из замка оказалась в гадюшнике? Ну, и правильно. Это твое место, – Дарья скривила губы в издевательской усмешке и ткнула Кристину в плечо.

– Я хоть там была, а ты всегда будешь только здесь, – вырвалось у Кристины.

– Ах ты змея! За свой язык ответишь! – Дарья бросилась на нее, вцепилась в волосы и начала дергать.

Ощущая резкую боль, Кристина вцепилась мертвой хваткой в руку Дарьи, пытаясь оторвать ее от себя. У нее почти получилось, но вдруг удары посыпались со спины, по рукам.

На глазах девочки выступили слезы.

Она уже готова была сдаться, как вдруг почувствовала резкий толчок и отлетела на бетонный пол.

Кристина подняла глаза и увидела парня, который откидывал всех в стороны, притом легко, будто они были пушинками. Он схватил Артема за плечо и отшвырнул в сторону, резко осадил Юльку, подняв руку в предупреждающем жесте, и встал перед Дарьей, глядя ей прямо в глаза.

Вихрь.

Дукова его знала, точнее, слышала и видела, но никогда не общалась. Самый красивый парень в детдоме, о котором все девочки говорили с огромным восторгом. Добрый, обаятельный. В семь лет попал в детский дом, когда родители погибли в автокатастрофе. Она как раз тогда жила в семье Дуковых. Это воспоминание теперь казалось далеким, почти нереальным сном. Вихрев был старше на три года – в детском мире эти годы казались пропастью.

– Ты чего? – хрипло спросила Дарья, все еще чувствуя боль в волосах. Она не понимала, почему Вихрь, как все его называли, встал на защиту этой выскочки.

– Не трогайте ее! – твердо сказал подросток, глядя прямо на Дарью и выставив руку вперед, защищая Кристину.

– Но ты же с нами, – растерянно пробормотала та, отступая на шаг и нервно теребя прядь волос.

– Я ни с кем, если вы обижаете от скуки!

– Но ты же говорил, что я тебе нравлюсь

– Пока не узнал, что ты обижаешь тех, кто младше, без причины.

– Но она сама зарывалась – с обидой бросила Дарья.

– Она – парень обернулся, демонстрируя красивое, серьезное лицо, и усмехнулся. – Защищалась. Правда, Мальвина?

Кристина хлопнула носом и отвернулась. Она пыталась скрыть слезы, вытерла щеку рукавом, но предательские капли все равно катились по лицу.

– Волчонок – усмехнулся Вихрь и, вновь посмотрев на всех, расправил плечи и громко произнес: – Никто больше не смеет ее обижать! Она моя!

– Понравилась? – с обидой спросила Дарья, поджимая губы и скрещивая руки на груди.

– Характером. Будет моей сестренкой. Или ты хочешь ей быть?

– Нет, сестрой я не хочу быть – буркнула девушка и, резко развернувшись, направилась на выход из подвала. Дальше за ней последовали все, переглядываясь и перешептываясь.

Вихрь обернулся и протянул руку.

– Вставай. Я Саша.

Кристина продолжала сидеть, вглядываясь на него с подозрением – слишком уж неожиданно все изменилось. С чего это вдруг он решил ей помочь? Она медленно подняла взгляд, задержала его на протянутой руке, потом снова посмотрела в глаза Саши.

– Что тебе нужно от меня?

– Точно ведь волчонок Мой волчонок, – мягко сказал парень.

– Я не волчонок! И не Мальвина! Я Кристина, – твердо ответила она, глядя ему в глаза, и, наконец, осторожно вложила свою ладонь в его руку.

– Так и понял, – сказал парень и, ухватив за руку, помог подняться. – Не бойся, теперь тебя никто не тронет.

– Ага, конечно – неуверенно пробормотала Кристина, понимая, что Дарья еще сильнее будет к ней приставать.

– Обещаю тебе, – повторил Вихрь, глядя прямо и открыто, и слегка сжал ее руку.

Она не поверила, но не стала спорить. Еще девочка искренне надеялась, что успеет на ужин. Только нужно помыться. Если явится грязной, ее еще лишат ужина, чего она очень не хотела. Она решительно шагнула вперед, все еще держась за руку Саши, а потом откинула ее и быстро побежала в сторону выхода, желая как можно быстрее покинуть это место. Больше это не ее тайное место.

Коридор встретил Кристину глухой тишиной. На пути ей никто не попался, что было нормально. Из столовой доносились приглушенные голоса и звон посуды, где все ужинали. Легкие шаги эхом отдавались в пустом пространстве, пока она почти бегом добралась до ванной комнаты.

Кристина толкнула дверь и быстро шелкнула выключателем. Яркий свет резанул по глазам. Она подставила лицо под холодную струю воды, чувствуя, как свежесть немного отрезвляет и снимает напряжение. Капли стекали по щекам, капали на рубашку. Девочка медленно подняла голову, вытерла лицо ладонью и взглянула в зеркало.

Кристина замерла.

В отражении за ее спиной отразилось лицо Дарьи. Как всегда красивое, но сейчас оно напоминало застывшую маску змеи. Губы были плотно сжаты, а глаза горели яростным огнем, будто в них вспыхнули два раскаленных угля. Не хватало только шипения, чтобы картина была полной.

Дарья сделала резкий шаг вперед, схватила Кристину за волосы и с силой натянула длинные пряди, причиняя острую боль.

– Он мой! – прошипела она.

– Кто? – недоуменно спросила Кристина, невольно вздрогнув.

– Дурой не прикидывайся! Вихрь! Он только мой.

– А мне он и не нужен, – тихо ответила Кристина, стараясь не выдать дрожь в голосе.

– Тогда почему он за тебя защитился? – голос Дарьи звенел от гнева.

– Не знаю, – с отчаянием закричала Кристина, пытаясь убрать ее руки. – Отпусти!

– Будешь крутиться рядом с ним, и я все твои волосы повыдергиваю, – угрожающе прошипела Дарья, еще сильнее сжимая пальцы.

– А он узнает и тебя бросит! – вырвалось у Кристины.

На мгновение Дарья замерла, хватка ослабла. Этим мгновением Кристина тут же воспользовалась: резко оттолкнула соперницу и отступила на шаг, тяжело дыша.

– Ты чего? – растерянно выдохнула Дарья, отступая на полшага. Она не ожидала столь дикой реакции от худощавой пигалицы.

– Он мне сказал, что не любит выскочек и зазнаек, – выпалила Кристина, до сих пор ощущая боль в голове.

– И что? Как это связано со мной? – брови Дарьи сошлись на переносице.

– То, что ты точно не подходишь ему, потому что выскочка и зазнайка! А еще ты похожа на ядовитую змею, поэтому тебя все боятся! – воскликнула Кристина и, не дожидаясь ответа, рванула из ванной комнаты, едва не споткнувшись на пороге.

Она выскочила в коридор и понеслась в свою комнату. Захлопнув за собой дверь, Кристина прижалась к стене, пытаясь отдышаться. В груди бушевала буря, которая сжимала ее сердце, заставляя работать быстрее.

«Зачем я это сказала? Теперь она точно не оставит меня в покое» – пронеслось у нее в голове. Но Кристина ничего не могла с собой поделать – правда вырвалась наружу, как неудержимая волна, с которой она не могла справиться. Девочка стояла, тяжело дыша, и чувствовала, как внутри все дрожит от запоздалого страха. На мгновение она почувствовала себя слабой, почти беспомощной, но тут же внутри что-то щелкнуло, отрезвляя сознание. Она стиснула зубы, сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

«Я изменюсь, – твердо решила Кристина. – Научусь держать язык за зубами. Непременно научусь держать в себе все, что может навредить мне. Пора взрослеть».

Глава 2

Спустя пять лет

Девушка сидела в машине, сжимая похолодевшие пальцы. Взгляд ее был устремлен вперед, но она ничего не видела – внутри разливалась тяжелая пустота, знакомая до боли. Все казалось бессмысленным. У нее даже слез не было: она уже научилась встречать удары судьбы с каменным спокойствием, хотя внутри все сжималось от боли.

В свои пятнадцать лет Кристина была удивительно красива – нежная девушка с длинными волнистыми волосами цвета темного меда, которые мягкими локонами ниспадали на плечи. Ее лицо отличалось тонкими, почти фарфоровыми чертами: аккуратный нос, высокие скулы и большие глаза цвета голубого неба, обрамленные густыми ресницами. В другой жизни, в любящей семье такая красота, возможно, стала бы поводом для гордости и заботы, но не сейчас и не с ней.

В очередной раз послушная и добрая Кристина оказалась ненужной. В четвертый раз ее поспешили вернуть в детский дом – туда, где стены были пропитаны одиночеством, а воздух – горечью несбывшихся ожиданий. Девушка сглотнула, пытаясь унять внутреннюю дрожь. Она слишком хорошо знала, какой прием ее ждет там, и потому отчаянно старалась быть идеальной дочерью.

Самой чудесной.

Самой послушной.

Самой нужной.

Этот последний раз оказался довольно тяжелым. Кристина сразу поняла и приняла, что ее взяли в семью как бесплатную няньку для троих маленьких детей. Но она все равно старалась изо всех сил: стирала, убирала, ночами не спала, когда малыши плакали, сидела с ними часами, забывая про уроки и собственные нужды. А потом Ольга Николаевна, адвокат с растущей репутацией, встала на ноги: ее дела в суде начали приносить хороший доход, клиенты шли один за другим. Она, наконец, смогла позволить себе нанять опытную няню с безупречными рекомендациями – и Кристина снова стала не нужна. В доме теперь царили порядок и расчетливость: каждая услуга имела свою цену, а детская непосредственность и самоотверженность девочки больше не вписывались в новую, четко выстроенную систему.

Дукова зажмурила глаза, удивляясь тому, что даже слезы не пробивались. Она научилась принимать удары и реагировать достойно – вот и сейчас сидела молча, глядя в окно на мелькающие городские пейзажи.

Обидно было до боли: в каждой новой семье она училась чему-то новому, изводила себя, стараясь стать лучшей в этом деле, но каждый раз оказывалась «не той».

В очередной раз

Сейчас рядом с ней сидела Ольга Николаевна – стильная, ухоженная женщина с безупречной прической и дорогим парфюмом, источавшим тонкий аромат жасмина. Ее костюм сидел идеально, подчеркивая стройную фигуру, а на запястье поблескивали дорогие часы. Она выглядела так, будто сошла со страниц глянцевого журнала, – воплощение успеха и благополучия. И именно эта шикарная, состоятельная «мамочка» везла Кристину обратно в детский дом. Девушка чувствовала себя использованной, словно старая вещь, отслужившая свое.

– Не держи на меня зла. Просто мы были нужны друг другу, – произнесла Ольга Николаевна ровным, деловым тоном.

Кристина молчала, не желая вступать в этот разговор. Она хорошо знала привычки своей бывшей «мамы»: та привыкла всегда решать за всех. Даже когда муж не справился с расходами,

Ольга Николаевна не растерялась, быстро нашла бесплатную няню в лице Кристины, а сама вышла на работу.

– Не думай, что я тварь. К тому моменту, как ты покинешь детский дом, я открою для тебя счет. Не так, чтобы много денег оставлю, но этого хватит на первое время. И если будут проблемы с государственной квартирой, которой тебя должны обеспечить, позвони мне. Несколько грамотных судебных процессов – и у тебя она будет в весьма короткое время, – продолжила женщина.

– Спасибо, – прошептала Кристина, сглатывая. Она, вероятно, должна была порадоваться, но в душе царил пустота. Девушка прекрасно понимала: совсем скоро семья Гуровых покинет город и переедет в столицу. Возможно, они бы оставили ее еще на несколько лет, но потом было бы сложнее сдать «няню» обратно.

– Ты умная девочка и должна понимать, что в этом мире нужно дружить с теми, кто тебе может что-то дать, и быть благодарной. Без этого никуда. Без отдачи тебя будут вычеркивать, – наставляла Ольга Николаевна.

– Вычеркивать? Поэтому вы отказались от меня? – вырвалось у Кристины быстрее, чем она успела подумать. Тут же она мысленно выругала себя, ведь нельзя показывать эмоции. Но обида сжала сердце, словно ледяная рука.

– Я делаю лучше для тебя. Так ты быстро все получишь, государство тебе поможет, а живя с нами это затянется. Да и к тому же мой муж стал поглядывать на тебя. А я не могу этого допустить, – отрезала женщина.

Заметив, как девушка побледнела, Ольга вздохнула:

– Да, я все понимаю, видела, как ты грамотно его отталкивала, поэтому не злюсь. Думаешь, ты бы жила у меня два года, если бы я не была в тебе уверена? Ты мне нравишься, Кристи. Даже очень. Особенно твой характер. К тому же это я научила тебя быть сильной и идти к своей цели.

– Спасибо – еще тише сказала Кристина, не желая слушать этот разговор снова и снова. Но эту женщину нельзя было перебивать.

– Ты же видела, у меня красивый муж, но ничего собой не представляет. Я его содержу. Конечно, я бы могла найти старого черта, который в постели ничего не мог, но слишком люблю себя. Просто не думала, что вместо одного ребенка, который мне нужен был больше для галочки, это чертово ЭКО выдаст мне троих. Поэтому пришлось пристраиваться, искать варианты. На заработную плату Андрея нельзя прожить даже скромно, поэтому мне была нужна ты. Но я умею быть благодарной, так что запомни мой телефон и когда нужна будет помощь найдешь меня.

– Благодарной – протянула девушка, усмехаясь над этой формулировкой. В памяти всплыл документ, который она прочитала неделю назад.

– «Ухудшение поведения ребенка» – вот официальная причина вашего отказа. Как думаете, возьмут меня с такой характеристикой от вас в новую семью?

Женщина скривилась:

– А что еще? С материальным положением теперь все хорошо, да и со здоровьем. Не держи на меня обиды, я должна была себя обезопасить.

Заметив, что Кристина с безразличным лицом всматривается в окно, Ольга вздохнула:

– Не обижайся, но если оставлю тебя, нужно будет взвалить на себя твое образование, а зачем мне это делать? А так тебе помогут

Машина остановилась. Ольга Николаевна посмотрела на девушку и добавила:

– Прости за грубые слова, если услышишь, но ты ведь все понимаешь, правда?

Кристина тяжело вздохнула и, бросив взгляд в сторону ненавистного здания с облупившейся краской и зарешеченными окнами, кивнула. У нее, как будто, был выбор

Воровка.

Лгунья.

Кристина закрыла лицо руками, стараясь не заплакать. Мама под номером четыре уехала уж как тридцать минут назад, а она до сих пор не могла успокоиться. Слушать про себя было мерзко, но она держалась изо всех сил, до скрипа в зубах, до дрожи в пальцах. Держалась, пока не пришла в подвал. Больше не знала, куда прийти. Не была здесь два года.

Девушка зажмурила глаза и всхлинула, чувствуя, как слезы все равно просачиваются сквозь ресницы, катятся по щекам, оставляя горячие мокрые дорожки.

– Надеюсь, волчонок не собирается затопить подвал слезами, — раздался знакомый голос.

Насупившись, девушка отвернулась. Она не хотела показывать слезы, тем более перед НИМ.

Вихрь подошел и сел рядом, не говоря ни слова. Как обычно. В его молчании всегда было что-то успокаивающее – будто мир вокруг на мгновение останавливался, а все беды отступали на задний план.

Не выдержав, Кристина посмотрела на него и замерла, с удивлением отмечая, как изменился ее Саша. Возмужал и стал еще притягательнее. Она и раньше считала, что он очень красивый, а сейчас его красота просто зашкаливала, как ей казалось.

Он сидел рядом, чуть ссутулившись, но даже в этой расслабленной позе чувствовалась скрытая сила. Темные волосы, как всегда, падали на лоб непослушными прядями. Вихрев машинально отбрасывал их резким движением головы, и в этом жесте было что-то до боли знакомое, родное.

Лицо Саша словно обрело четкие линии: высокий лоб, прямой нос, упрямый подбородок с едва заметной ямочкой. Темные брови подчеркивали взгляд – глубокий и внимательный. В глазах цвета крепкого чая таилась какая-то особая теплота, которую Кристина всегда чувствовала, но не могла описать словами.

На щеке, чуть ниже скулы, белел тонкий шрам – память о той самой потасовке, когда он вступился за нее после театра, когда к ним пристали местные завсегдаи. Тогда она поняла, что он ее друг и всегда придет на помощь.

Как и сейчас

От этого она всхлинула, и громко заплакала.

Вихрь обнял Кристину и прижал ее голову к своей груди. Его руки оказались теплыми и сильными, такими, что сразу становилось спокойнее.

– Ну ты чего, волчонок? Ты же у меня самая сильная, умная – его голос стал ниже, мягче, с легкой хрипотцой, которая делала каждое слово особенно весомым.

– От меня все отказываются. Все! Почему я никому не нравлюсь? – с отчаянием воскликнула Кристина. Ее голос дрогнул, сорвался на всхлип.

Парень перехватил ладонями ее лицо, и она заметила, что его руки уже не те, что раньше: на костяшках – следы старых царапин, на пальцах – легкая шероховатость, будто от работы с инструментами. Его взгляд был таким внимательным, таким настоящим, что внутри что-то дрогнуло.

– Будь собой, маленькая. Не нужно быть идеальной для всех, – произнес он тихо, но твердо. В его голосе звучала такая уверенность, что Кристина невольно поверила: может, и правда не нужно?

– Но тогда меня не будут брать, как и других, а я хочу жить в своей семье, – прошептала она, и новая волна слез подступила к глазам.

Саша чуть наклонился вперед, глядя прямо на нее, и в его глазах она увидела то, что всегда спасало ее в самые темные моменты: непоколебимую веру в нее.

– Ты – это ты. И этого достаточно, – сказал он. – Я рядом. Всегда.

Кристина вдруг почувствовала, как напряжение, сковывавшее ее все это время, начинает отпускать. Она глубоко вздохнула, уткнулась лбом в его плечо и наконец позволила себе расслабиться.

Просто быть собой.

Той, кого он знал, ценил и всегда был готов защитить.

Лучшие друзья. Единственные друг для друга. И этого было достаточно.

Они сидели на старых деревянных ящиках, сложенных друг на друга в углу подвала. Вокруг царил полумрак, лишь тусклая лампочка под потолком бросала дрожащие тени на кирпичные стены, покрытые пятнами сырости. Где-то вдалеке капала вода, и этот монотонный звук лишь подчеркивал тишину между ними. Неизвестно, сколько они так сидели – молча, близко, в безмолвии, нарушаемом лишь дыханием. Наконец она едва слышно прошептала, опустив взгляд на свои сцепленные пальцы:

– Меня теперь будут считать воровкой и лгуньей

Вихрев резко выпрямился, повернулся к ней всем телом и твердо положил руку на ее плечо.

– Я разберусь со всеми, – произнес он, глядя ей прямо в глаза.

Кристина невесело усмехнулась и покачала головой.

– Ты не сможешь Тебе через месяц восемнадцать, и ты уйдешь.

Вихрь на мгновение замер, сжал губы, потом тихо произнес, чуть понизив голос:

– Точно Я бы тебя удочерил, если б мог.

На мгновение повисла пауза, а затем, словно сорвавшись с невидимой пружины, они вдруг начали смеяться – сначала тихо, потом все громче, пока не расхохотались в голос. Кристина откинула голову назад, вытирая выступившие слезы, а Саша, смеясь, слегка толкнул ее плечом.

– Представляешь, какая бы из меня получилась дочка? – сквозь смех спросила она, вытирая уголок глаза.

– Послушная? – подхватил парень, приподняв бровь.

– Нет, – она покачала головой, лукаво прищурившись.

– Ты же со всеми милая и послушная – наполнил Вихрь.

– А ты меня любишь такой, какая я есть, – она подняла на него взгляд, в котором смешались надежда и уверенность.

Вихрь усмехнулся, взгляд потеплел. Наклонился ближе, слегка коснулся ее волос.

– Есть такое. Но как отец я был бы строгим. Не разрешал бы встречаться

– С плохими парнями? – уточнила она, нарочито нахмурившись.

– Да хоть с любыми. Пока бы не убедился, что он действительно хороший.

– А какой хороший?

– Такой, как я, – без тени сомнения ответил Вихрь и подмигнул.

– А ты хороший?

– Самый лучший. Разве нет?

– Лучший, – согласилась Кристина и лукаво добавила, слегка толкнув его локтем: – Опять, наверное, девчонки рвут и мечут, не в силах тебя поделить?

– Умудряюсь со всеми ладить, – с усмешкой отозвался Саша, откинувшись назад и опершись на ящик.

– А Андрея не забрали? – вдруг сменила тему девушка, нервно теребя край рукава.

– Прохорова? – уточнил Вихрь, слегка нахмурившись.

– Да.

– Нет – буркнул Саша.

Дукова задумалась, погружившись в свои мысли, уставилась в одну точку на стене, где мохнатая паутина покачивалась от слабого сквозняка. Но тут же вздрогнула – Вихрь щелкнул ее по носу.

– Ты чего? – возмутилась она, потирая нос и хмуря брови.

– С того, что ему семнадцать, и у него только одно на уме, – пояснил Саша с улыбкой, глядя на ее негодование.

– А у тебя? Но ты же добрый и заботливый.

– Это только с теми, кто мне дорог, – серьезно ответил парень. Его голос стал тише, взгляд мягче.

– Я тебе дорога? – девушка замерла, затаив дыхание.

– Конечно. Ты же мой волчонок, – Вихрь улыбнулся и слегка взъерошил ей волосы.

Девушка насупилась, но в глазах уже играли смешинки. Она скрестила руки на груди, но не смогла сдержать улыбку.

– Тогда корми своего волчонка, – заявила она. – Я не ела со вчерашнего утра. Было не до этого.

– С удовольствием, девочка моя, – улыбнулся парень и поднялся, протягивая руку. Его улыбка стала еще шире, а голос ленивоигривым. – Идем. Сегодня у нас наивкуснейший гороховый суп, довольно съедобная рыбная котлета с макаронами, совсем не сладкий компот и пресная булочка.

– Не люблю суп, – насупилась Кристина, но все же вложила свою ладонь в его.

– Тебя не спрашивают, – шутливо отрезал Вихрь, рывком притянул ее к себе и обнял. – Идем. Кстати, у нас новости. Появился один парень. Но чтобы я тебя рядом с ним не видел.

– Почему? – удивилась она, отстранившись и вглядываясь в его лицо.

– Красивый, слащавый и

– Может, он будет таким же замечательным, как ты? – перебила Кристина, хитро прищурившись.

– Если узнаю, что вы общаетесь, – пригрозил Саша с притворной строгостью, слегка сжимая ее плечи, – похищу тебя и посажу на хлеб и воду.

– Куда похитишь?

– Так у меня же есть квартира. Забыла? Сейчас ее сдают, а уже в следующем месяце я заеду.

– О, – оживилась Кристина, глаза которой заблестели, – я знаю, к кому можно будет в гости ходить.

– Вот-вот. Если что – сразу ко мне. И когда покинешь это место, тоже сразу ко мне. Кстати, я куплю тебе телефон.

– Но вдруг меня удочерят?

– Все равно должен быть телефон. Кстати, у тебя ведь был?

– Забрали – тихо ответила Кристина, опустив глаза и сжимая пальцы.

Парень вздохнул, взял ее за руку и повел к выходу, задумчиво выдав:

– Тогда на день рождения куплю.

– Да? А можно розовый? – ее лицо озарилось надеждой. Кристина подняла глаза, в них заиграли искорки.

– Можно, – кивнул Саша, тепло улыбнувшись.

– У нас день рождения в один день

– Я в курсе, – заверил парень.

– Но я ничего не смогу тебе купить.

– И ничего не нужно, – тепло произнес Вихрь и улыбнулся, слегка сжимая ее руку. – Главное, чтобы никто не смог его у тебя забрать, и чтобы мы были на связи. Всегда.

– Точно, – счастливо вздохнула Кристина и улыбнулась, прислонившись к его плечу. Вихрь всегда ее успокаивал. Он был особенным другом. В подвале стало как будто теплее, а тени уже не казались такими мрачными.

Глава 3

Спустя три года

– И чего остановилась? Давай вытирай, – нагло произнес сводный брат, съедая девушку жадным взглядом.

Кристина невольно содрогнулась от его низкого, хриповатого голоса и невыносимого внимания. Антон Бедоев вызывал в ней неприязнь. Она скривилась, с трудом подавив приступ отвращения, и продолжила вытирать пыль с резного комода. В груди закипала ярость, но она заставила себя сосредоточиться на движении тряпки.

Вверхвниз.

Влевоправо.

Лишь бы не смотреть на него.

Мать специально послала ее в комнату сына и тут же ушла – это было очевидно. Кристина все больше подозревала, что женщина подталкивает их друг к другу. Но зачем?

«Потому что на этого упыря нормальная девчонка не посмотрит!» – подумала она, злясь на ситуацию.

Кристина кипела от ярости, понимая, что и в шестой раз ее попытка жить в любящей семье проваливается.

Или она себя накрутила?

Девушка уже не знала.

Комната, в которой она работала, поражала роскошью и одновременно вызывала тревогу. Огромные окна с тяжелыми бархатными шторами выходили в сад, паркет под ногами был отполирован до зеркального блеска, вдоль стен стояли массивные шкафы из темного дерева, увешанные охотничьими трофеями. Над камином висел портрет самого парня в спортивной форме. Чемпионский кубок в руках, взгляд холодный и самоуверенный.

А сам он

Парень сидел в кожаном кресле у окна – крупный, с широкими плечами и мощными руками, покрытыми густыми темными волосами. Его мышцы бугрились даже в расслабленном состоянии, будто он в любой момент готов был сорваться с места. Лицо с грубыми чертами, тяжелой челюстью и прищуренными холодными глазами внушало страх. Он явно гордился тем, что его боялись, и делал все, чтобы это ощущение только усиливалось.

Кристина быстро вытерла последнюю поверхность, стараясь не смотреть на парня. Боковым зрением она заметила, как он раздвинул ноги и начал странно дергаться, ухмыляясь при этом.

Отвратительно.

Она резко схватила тряпку и направилась к двери, стараясь идти ровно, не выдать дрожь в коленях.

Но не тут-то было.

Только она дотянулась до дверной ручки, как парень одним прыжком оказался рядом. Его огромная ладонь схватила ее за талию. В следующую секунду Кристина отлетела в сторону кровати, ударившись о матрас с глухим грохотом. Комната была большой, но в этот момент показалась ей тесной ловушкой.

– Ты чего творишь? – с волнением проговорила Кристина, начиная подниматься. Сердце колотилось где-то в горле, ладони вспотели, а в животе завязался тугий узел страха.

– Пора отработать хлеб, который тут жрешь, – процедил парень, медленно приближаясь. Его тень упала на нее, закрывая свет из окна.

– Ты о чем? – голос Кристины дрогнул, но она постаралась говорить твердо.

– Думаешь, просто так тебя взяли? – он склонился над ней, и она уловила запах пота.
– Мамка для меня постаралась, а подашь голос – вернешься в свой притон подкидышей. Или как там называется место, куда выродков подбрасывают?

Антон выпрямился, с удовлетворением наблюдая, как она вжимается в угол кровати, как ее пальцы судорожно вцепились в край покрывала. В его глазах читалось торжество – он знал, что она беспомощна. Чтобы остаться в их богатом доме эта сиротка согласится на все его условия. Он ведь сам ее выбрал.

Кристина сглотнула, стараясь унять дрожь, которая била ее изнутри, словно электрический ток. Страх тяжелым камнем сдавил грудь, перехватил дыхание, но где-то глубоко внутри, в самой глубине души, вспыхнула искра упрямства.

Дерзкая.

Горячая.

Непокорная.

Она медленно отодвинулась к стене, ища хоть какую-то опору, и тихо, но твердо произнесла:

– Не подходи ко мне.

– К тебе? – хрипло рассмеялся Антон, делая шаг вперед. – Я буду делать с тобой все, что захочу. Кому ты нужна, сиротка? Никому. Радуйся, что живешь с нами, а то ведь помои жрала да угождала соплякам грязным.

Каждое слово ударяло, как пощечина. Ярость накрывала Кристину с каждым его словом, обжигала изнутри, поднималась волной, но девушка всегда старалась держать себя в руках – знала, что может причинить боль. И она не хотела этого. Пока не хотела.

– Не подходи ко мне, – уже уверенно, почти чеканя слоги, выдала она.

– И что ты мне сделаешь? – Антон издевательски усмехнулся. – Тебя только поэтому и взяли. Понятно? Или думала, что сиротка кому-то нужна? Никому! Своих детей любят, а такими, как ты, пользуются. От вас все отказались, от тебя – так от рождения. А учитывая, что это шестой раз, думаю, ты уже знаешь, что должна делать.

– Ты несешь бред, – голос Кристины дрогнул, но она тут же взяла себя в руки.

– Я? Бред?! Раз так, то тогда перейдем к делу. Раздевайся.

– Нет, – четко, без тени сомнения ответила девушка. – И я все расскажу Анастасии Николаевне.

– Да она в курсе, дура, поэтому и ушла с ночевкой, чтобы ты уже привыкла. Я же понимал, что у тебя есть характер, хоть ты и притворяешься такой идеальной. Так что сейчас будем знакомиться.

Кристина распрямила спину, глубоко вдохнула и села ровнее, чувствуя, как страх отступает, уступая место холодной решимости. Ситуация вышла из-под контроля. И жертвой она не собиралась быть.

– Не подходи, – прошептала она, – и я не причиню тебе боли.

– Ты мне? – он расхохотался, но в смехе не было веселья. – Я чемпион, дура. Куда тебе до меня? Ты себя видела? У тебя тело, которое можно только иметь, а так – ничего особенного.

Сжав пальцы в кулаки до побеления костяшек, девушка стала тяжело дышать. В груди колотала буря: боль, обида, ярость, отчаяние.

Ну почему так?

Почему?!

Она разве так много хочет?

Только любить и быть любимой в своей семье. Она делала все: старалась быть послушной, прилежной, незаметной – но везде оказывалась нужна лишь для какой-то мерзкой цели.

Слеза скатилась по щеке, но Кристина резко смахнула ее.

Больше никаких слез.

Девушка хладнокровно оценила дистанцию, внимательно отслеживая движения парня. Она уловила момент, когда противник потянулся к ней правой рукой и его корпус открылся, и хищно прищурилась. Быстрым скользящим шагом она вошла в ближний бой и нанесла короткий жесткий удар кулаком в область солнечного сплетения. Парень инстинктивно втянул живот и начал выпрямляться, открывая подбородок. В тот же миг последовал резкий апперкот в нижнюю челюсть. Голова парня дернулась вверх, колени подкосились, и он тяжело рухнул на спину, не приходя в сознание.

Кристина на мгновение замерла, глядя на Антона. Затем бросилась к нему, дрожащими пальцами нащупывая пульс на шее.

Стук.

Долгая пауза

Стук.

Глухие, ленивые толчки, будто уставшее сердце не хотело продолжать. Но они были регулярные, хоть и медленные.

Живой.

Кристина сглотнула, стараясь унять дрожь в руках. Это шанс. Нужно действовать.

Она облизнула пересохшие губы, сердце колотилось где-то в горле. Не теряя ни секунды, девушка кинулась в свою комнату. Руки дрожали, но действовали быстро: она хватала вещи и складывала их в розовый чемодан. Все без разбора. Лишь одно не взяла: ничего из того, что подарила ей эта «семья». Не хотела, чтобы у нее осталось хоть что-то, напоминающее о мерзких людях, которые пытались ее сломать.

А то, что она сделала

Вероятно, ее накажут.

Но пусть так. Лучше наказание, чем то, что ей светило от этого мерзкого чудовища.

Кристина облизнула пересохшие губы, с усилием подхватила чемодан – потрепанный, с потертыми углами, помнящий уже не одну смену «дома». Он словно олицетворял ее судьбу: изношенный, но все еще держащийся. Крепко придерживая его за ручку, она направилась в спальню матери, то и дело оглядываясь. Боялась, что Антон придет в себя. Тогда ее ждала незавидная доля. Одно дело – обезоружить нападающего, который этого не ожидает, совсем другое – иметь дело с озлобленным, жаждущим мести противником.

Руки дрожали так сильно, что она едва смогла открыть ящик. Внутри все сжималось от ужаса: а вдруг он уже встал? Вдруг идет за ней? Она резко обернулась.

Пустой коридор.

Тишина.

Но тишина эта казалась обманчивой, зловещей.

В ящике комода, за стопками аккуратно сложенных полотенец, она нашла документы. Быстрым, отточенным движением Кристина достала свои – только их. Больше ничего. Ни фотографий, ни безделушек, ни единого напоминания.

Девушка быстро направилась к выходу, ощущая, как слезы подступают к глазам, обжигают веки. Да, может, она поступила грубо, сбежав, не оставив даже короткой записки на столе, но нужно было действовать четко, без колебаний. Промедление могло стоить ей слишком дорого.

Вспомнив свой удар, девушка покачала головой.

Руки помнят даже спустя полгода.

Пятая семья, куда она попала год назад, была спортивной династией. Каждый ее член занимался профессионально: отец – бывший чемпион по легкой атлетике, мать – тренер по плаванию, старшая дочь – подающая надежды боксерша. В их доме царил культ дисциплины, рекордов и побед. И Кристина, такого же возраста, как дочь хозяев, тоже была вынуждена вписаться в этот мир.

«Ты должна быть сильной, – твердили ей. – Спорт закаляет характер».

Сначала она думала, что наконец-то нашла место, где будет счастлива. Но иллюзии рассыпались в прах. Дочь хозяев, Лиза, возненавидела ее, хотя первые четыре месяца они по-настоящему подружились. Все из-за внимания, которое Кристина невольно привлекла к себе. Парень из соседней школы, который раньше ухаживал за Лизой, начал заглядываться на Дукову. И как бы Кристина ни пыталась его отвести – отмалчивалась, отворачивалась, избегала – он только больше распалялся.

Следующий год превратился в ад. Лиза давила на нее всеми способами: унижала при родителях, подбрасывала грязные вещи в шкаф, делала «грушей для битья» на тренировках. Кристине пришлось учиться защищаться – сначала словами, потом действиями. Когда ничего не помогло, Лиза обвинила ее в краже золотых сережек.

Мать под номером пять долго думала, взвешивала. А потом, посчитав, что лучше сдать «воровку» и пусть с ней разбираются в приюте, а им такая не нужна, подписала бумаги. Так Кристина вновь оказалась в детском доме.

И вот – шестой раз.

Девушка нажала на кнопку лифта, нервно оглядываясь по сторонам. Взгляд скользил по тусклым стенам лестничной клетки, по темным углам, где, казалось, таилась угроза. Эти несколько секунд показались вечностью – каждая секунда растягивалась в минуту, каждый миг звенел натянутой струной. Она ловила малейший звук: шорох шагов, скрип половицы, вздох вентиляции – но вокруг царил лишь гнетущая тишина.

Двери лифта медленно разъехались, приглашая внутрь. Кристина шагнула в кабину, не переставая оглядываться. И только когда металлические створки сомкнулись за спиной, а кабина плавно тронулась вниз, напряжение начало понемногу отпускать.

Окончательно она успокоилась, лишь оказавшись на улице. Холодный воздух ударил в лицо, ветер растрепал волосы – и впервые за долгое время она глубоко, свободно вздохнула.

Свобода.

Она больше не будет в плену ненавистных глаз, пошлых желаний, заложником чьихто потребностей

Она больше не хотела быть идеальной дочерью в семье, где она не нужна.

Но страх еще жил где-то внутри.

Холодный.

Цепкий.

Напоминающий, что погоня может начаться в любой момент.

Кристина оглянулась через плечо: подъездная дверь оставалась неподвижной. Пока. Кристина сжала кулаки, заставляя себя успокоиться. Нет. Больше никто не заставит ее дрожать. Она вырвалась – и теперь будет бороться за эту свободу до конца. Шаг стал тверже, спина выпрямилась. Впереди неизвестность, но даже она лучше, чем то, что она пережила в своих идеальных семьях.

Слезы текли градом, смешиваясь с дождем, так что перед глазами все расплывалось. Она не замечала ни холода, ни промозглого ветра, ни луж, в которые ступала. Кристина просто шла вперед, упрямо переставляя ноги, будто если остановится, рухнет под тяжестью всего пережитого.

Сколько минут или часов прошло она не знала. Ноги сами привели ее к знакомому дому. Кристина остановилась, тяжело дыша, и вытерла лицо рукавом платья. Только сейчас девушка осознала, что вышла без куртки, без зонта, в тонком платье, насквозь промокшем от дождя. Капли стекали по волосам, затекали за воротник, но она даже не поняла этого сразу – настолько была поглощена своими мыслями.

До крови закусив губу, чтобы не разрыдаться в голос, девушка подошла к подъезду. Несколько секунд она стояла, боясь позвонить. Сердце колотилось так сильно, что, казалось,

вот-вот выскочит из груди. Страх, стыд, надежда – все смешалось в один клубок. Но выбора не было. Она глубоко вдохнула, подняла дрожащую руку и набрала нужные кнопки на домофоне.

Послышался хриплый голос:

– Кто?

Кристина замерла. Слова не шли – они словно застряли в горле колючим комом, мешая дышать. Девушка сглотнула, пытаясь совладать с собой.

– Кристина? Это ты? – в голосе парня прозвучало сначала удивление, а затем явное возмущение.

Девушка молча кивнула, и в следующую секунду плечи ее затряслись. Всхлип вырвался сам собой, а за ним еще один. Слезы хлынули потоком, обжигая щеки, размывая очертания подъезда и двери перед глазами.

– Вот черт! – донеслось с той стороны. Послышался щелчок замка, и дверь распахнулась.

Кристина сильнее сжала ручку розового чемодана, потрепанного, с потертой наклейкой «Париж», которую она прилепила еще в детстве, когда с первой мамой летали в чудесный город. Пальцы невольно погладили края наклейки – почти стертые буквы, выцветший силуэт башни.

Тогда она верила, что мир полон чудес. Что чемоданы нужны для путешествий, а не для побегов. Что рядом всегда будет кто-то, кто защитит.

Жаль, что больше приятных воспоминаний с этим чемоданом не было. Все последующие поездки – переезды из одной «семьи» в другую. Он сопровождал ее молча, храня в своих стенках не сувениры, а страх, одиночество и попытки начать все сначала.

Дрожащими пальцами Кристина поправила прядь волос, прилипшую к мокрой щеке, и робко шагнула внутрь подъезда. Она подошла к лифту, и тут ее охватил ледяной ужас: она не помнила, какой этаж.

Совсем.

Паника сдавила грудь, дыхание участилось.

«*Думай, Кристина, думай!*» – мысленно приказала она себе.

Вдруг девушка вспомнила о том, что Саша любит высоту. Всегда говорил, что чем выше, тем ближе к звездам. Она нахмурилась, вытерла слезы рукавом и протянула руку, нажимая на кнопку с цифрой «десять». Рука сама потянулась, чему она доверилась, ведь иногда заходила в гости к другу. Схватив себя за плечи, чтобы унять дрожь, Кристина замерла перед лифтом, считая секунды.

Кабина медленно поднялась, двери со скрипом разъехались. Кристина осторожно выглянула и выдохнула с облегчением: она не ошиблась. Дверь в квартиру была приоткрыта, а рядом знакомый пролет с горшком герани, который Саша когда-то установил на стену.

Девушка вышла из лифта как раз в тот момент, когда на пороге появился Александр. Он был в одних шортах, без рубашки, волосы взъерошены. Капли воды на плечах говорили о том, что он, возможно, только вышел из душа.

Не говоря ни слова, он резко дернул девушку на себя и обнял – крепко, понастоящему, прижимая ее голову к груди. Его сердце билось ровно и сильно, и этот ритм постепенно начал успокаивать ее.

– Ну ты чего, волчонок? – его голос смягчился, стал теплым, почти ласковым. – Кто обидел мою девочку? Дождь?

– Антон – заикаясь, начала Кристина, не замечая, как помрачнел взгляд парня.

Александр с силой сжал ее в объятиях – так, что она невольно вскрикнула. Затем, осознав это, ослабил хватку, но не отпустил. Лицо его стало жестким, в глазах вспыхнул холодный огонь. Ледяным тоном он произнес:

– Не понял Как он обидел тебя?

– Он хотел – голос Кристины дрогнул. Она опустила глаза, сжимая пальцы так, что костяшки побелели.

Александр стиснул челюсти – на скулах заиграли желваки. Его рука невольно сжалась в кулак, вены на предплечье вздулись. Он почти рычащим голосом выдал:

– Заходи и рассказывай. Все. С самого начала.

Вихрь слегка отстранился, но руку не убрал, положив на плечо девушки. Каждое его движение кричало о том, что он рядом и что она в безопасности. Взгляд парня, теперь уже твердый и решительный, встретился с ее заплаканными глазами. И в этот момент Кристина почувствовала: она больше не одна.

Глава 4

Стоило Кристине переступить порог квартиры, как она замерла на месте, ослепленная контрастом тепла и света после промозглой улицы. Воздух здесь был пропитан ароматом корицы и чего-то цитрусового – возможно, освежителя или геля для душа.

Коридор был просторным и светлым: теплый желтый свет бра отражался в зеркальных дверцах шкафакупе, играл бликами на дубовом полу. Почти белые стены с бежевым подтоном создавали ощущение легкости. У стены находилась скамья с деревянным сиденьем, над ней полка с кувшином, книгами и кактусом. Напротив – абстрактная картина и стеклянный столик с вазой эвкалипта, источавшей тонкий аромат.

Только Кристина хотела что-то сказать, как в коридор вышла высокая блондинка с бокалом, в котором плескалась янтарная жидкость. Вглядываясь в ее лицо, Дукова могла смело сказать, что она – воплощение холодной красоты. Ее волосы, словно отлитые из светлого золота, струились по плечам безупречными волнами. Тонкие черты лица, четко очерченные скулы, пронзительные зеленые глаза – все в ней дышало уверенностью и властью. Сейчас эти глаза сверлили Кристину яростным взглядом, в котором читалось не просто недовольство, а почти ненависть. Этот взгляд сказал о многом.

Понимая, что невольно помешала, Кристина сделала шаг назад, но наткнулась на твердое плечо Вихря, который тут же обхватил ее за плечи, слегка встряхнул и твердо произнес:

– Ты никуда не уйдешь. Останешься здесь.

– Но я не хочу мешать – тихо пробормотала девушка, чувствуя, как промозглый холод с улицы просачивается сквозь промокшие кроссовки.

– Ты не мешаешь, – уверенно заявил Вихрь и, слегка подтолкнув девушку вперед, наклонился, чтобы помочь снять мокрую обувь. Его движения были резкими, но заботливыми. – Давай, снимай эту сырость.

– То есть она не мешает? Еще как мешает! Зачем нам эта девчонка? – вспыхнула блондинка, резко поставив бокал с янтарной жидкостью на столик так, что несколько капель выплеснулось на поверхность.

– Ира, успокойся, – Вихрь выпрямился и посмотрел на нее твердо, почти жестко. – Это моя Кристи, и она останется здесь столько, сколько нужно.

– А ничего, что у нас были планы? Что мы хотели – начала было Ира, нервно поправляя прядь волос.

– Ничего страшного. Поставь еще одну тарелку. Мы скоро придем ужинать, – буркнул Вихрь и, взяв Кристину за руку, решительно повел вглубь квартиры. Он затащил сопротивляющуюся девушку в ванную, закрыл дверь и повернулся к ней.

В теплом свете ванной комнаты капли воды на волосах Кристины заиграли, как крошечные бриллианты. Вихрь осторожно начал стягивать с нее промокшее платье, стараясь не делать резких движений.

– Я не хотела мешать, – с отчаянием выдохнула Кристина, пытаясь отстраниться и чувствуя, как нарастает паника. Она вцепилась пальцами в край раковины, костяшки побелели.

Вихрь остановился, положил ладони ей на талию и тихо, почти шепотом, спросил:

– Он тебя обидел?

Кристина нахмурилась, на мгновение замерла, потом легонько ударила его по плечу.

– Нет! – возмущенно выдавала девушка, следом обиженно добавляя: – Но он хотел.

– Тогда ты сейчас останешься здесь, а я пойду разберусь с этим уродом, – решительно заявил Вихрь, уже делая шаг к двери.

Вспомнив, как выглядит Антон, Кристина испугалась. Да, Саша – парень спортивный, мускулы играли под футболкой, но что он может против этого гиганта? В Антоне наверняка под

сто килограммов сырой силы, кулаки как гири. Перед глазами всплыла неприятная картина: массивная фигура Антона, его тяжелый взгляд, насмешливая ухмылка

– Никуда ты не пойдешь! – Кристина схватила Вихря за рукав, не желая никуда отпускать. В голосе зазвучали стальные нотки. – Тем более я его уже вырубил.

Вихрь на мгновение замер, удивленно приподнял бровь, потом коротко рассмеялся и провел рукой по волосам.

– Вырубил? – переспросил он, и в глазах заплясали озорные искры. — Нука, поподробнее.

Саша на секунду задумался, а затем потянулся к ее белью, но Кристина возмущенно отпрянула.

– Ты чего?! – воскликнула она и указала на дверь. – Выйди!

– Я просто отвернусь! – заверил он и резко развернулся лицом к стене, демонстративно сложив руки за спиной. – Так, а теперь расскажи, как ты его вырубил. И поподробнее, пожалуйста. Очень уж любопытно.

– Ну там, по затылку ребром ладони, – тихо призналась Кристина, опустив взгляд на свои дрожащие пальцы.

– Волчонок, это запрещенный прием, – покачал головой Саша, но в глазах его мелькнуло не осуждение, а скорее восхищение ее решимостью.

Понимая, что парень не отступит, Кристина вздохнула, расправила плечи и все же сняла промокшее платье. Ткань тяжело шлепнулась на край ванны. Глянув на футболку, которую Саша ловко выудил из шкафчика – простую, черную, с едва заметным логотипом какого-то спортивного бренда, Кристина быстро натянула ее на себя. Футболка доходила ей почти до бедер, скрывая все, что нужно, и пахла легким мужским парфюмом с нотками цитруса и древесины.

– Я знаю – прошептала она, и тут же обрадовалась, заметив шорты на полке.

– Знает она – буркнул парень.

– Но он дышал, – добавила Кристина, натягивая их и машинально разглаживая складки на ткани. – А что было делать? Он хотел меня изнасиловать. Кричал, что с такими ненужными сиротами только так и поступают, что я буду терпеть – ее голос дрогнул, а пальцы на секунду замерли, сжимая край шорт.

– Вот сука! – процедил Саша сквозь зубы, и его кулаки непроизвольно сжались. Вены на руках вздулись, а скулы напряглись. – Ничего, я с ним еще разберусь.

– Да как ты это сделаешь? Там не парень, а целый упитанный центнер, – покачала головой Кристина, пытаясь улыбнуться, но улыбка вышла нервной, дрожащей.

– И как? – Саша шагнул ближе, его глаза загорелись азартным огнем. – Получила восторг, когда центнер упал?

– Да сейчас, а тогда было не до этого, – задумчиво протянула девушка, и вдруг ее губы дрогнули в настоящей улыбке. – А вообще, да-а-а-а-а Такая туша и упала на пол Странно, что паркет не треснул.

– Зато будет воспоминание о том, что моего волчонок трогать нельзя, – сказал Саша, глядя ей прямо в глаза и улыбаясь во весь рот. Кристина так и не поняла, когда он успел повернуться к ней – только что стоял вполоборота, а теперь его лицо было совсем близко, в какихто сантиметрах.

Они замерли, глядя друг на друга – и вдруг одновременно расхохотались. Смех вырвался неожиданно, освобождая накопившееся напряжение, и заполнил маленькую ванную комнату, отражаясь от кафельных стен.

– Все будет хорошо, волчонок, – мягко сказал Саша, когда смех стих, и осторожно убрал прядь мокрых волос с ее лица.

– Думаешь? – Кристина подняла на него глаза, в которых все еще таилась тревога. – Месяц остался до восемнадцати лет.

– Может, проведешь оставшееся время здесь? – неожиданно предложил Саша и, схватив мокрые вещи, закинул их в стиральную машинку, не забывая добавить капсулу в барабан. – Я договорюсь с директором детского дома. Оставайся со мной.

Кристина на мгновение замерла, ее пальцы невольно сжали край футболки.

– Да нет, я Твоя девушка меня возненавидит, – тихо сказала она, опуская взгляд.

– Она добрая, – уверенно ответил Саша.

– Это когда ты стал таким наивным? – криво усмехнулась Кристина, но в ее голосе не было злости, только легкая горечь.

– Когда мне удобно, – нагло выдал Вихрь, а затем неожиданно обнял ее, крепко прижимая к своему телу. – Нет, она, правда, очень хорошая. И любит меня. Просто она ревнует, это нормально.

– Да? Тогда я постараюсь подружиться с ней, – после небольшой паузы сказала Кристина, и впервые за вечер в ее глазах мелькнуло что-то похожее на надежду.

– Мне бы было очень приятно, если бы мои девочки подружились, – искренне ответил Саша и слегка отстранился, чтобы заглянуть ей в лицо. – А завтра мы решим все вопросы с детским домом. Не хочу, чтобы тебя больше кто-либо обижал. Ни Антон, ни кто-либо еще. Поняла?

Он взял ее за руку, переплетая пальцы, и повел из ванной комнаты. В коридоре их встретил мягкий свет бра, а из гостиной доносились приглушенные звуки музыки и недовольное бормотание Иры. Но сейчас это уже не пугало Кристину – она шла рядом с Сашей, чувствуя, как внутри зарождается робкое, но настоящее ощущение безопасности.

Месяц спустя

«*Все должно быть идеально*» – подумала Кристина, аккуратно расставляя тарелки на стол. Теплый свет свечей мягко играл на фарфоре, отбрасывая причудливые блики на скатерть и создавая атмосферу настоящего волшебства.

Сегодня был особенный день – день рождения. Наконец, ей исполнилось восемнадцать лет. Чудесный, долгожданный день настал. Но не только ее, у Саши тоже. Кристина едва сдерживала трепетное волнение: она так долго ждала этого возраста, представляя, какими станут следующие годы.

Удивительно, но Саше каким-то чудом удалось договориться с директором: по документам Кристина все еще числилась там, где должна была находиться, но на деле жила вместе с Сашей и Ириной.

Мысль об Ирине заставила Кристину невольно поморщиться. Как она не пыталась с ней подружиться, девушка не питала к ней теплых чувств. Кристина взяла на себя все домашние заботы: уборку, готовку, починку вещей, но Ирина неизменно находила, к чему придраться. При этом в присутствии Саши она преображалась, становилась любезной и улыбчивой.

Кристина понимала причину такого поведения: Ирина видела в ней соперницу. Понимая это, Дукова старалась быть терпимее. В конце концов, она искренне желала Саше счастья. Он столько для нее сделал – она была бесконечно ему благодарна. Даже подготовил все документы для суда, чтобы помочь получить квартиру.

«*Не мужчина, а мечта*, – с легкой грустью подумала Кристина. – *Ирине повезло*» Ей бы встретить когото похожего, и это сделало бы ее понастоящему счастливой. Наблюдая за тем, как Саша радуется мелочам, как светится его лицо, когда он возвращается домой и видит заботу,

Кристина ловила себя на мысли: что хочет такого же мужчину. Почему нет? Из нее вышла бы чудесная жена. Здесь, в этой обстановке, она чувствовала, что способна создать настоящую семью. Если не смогла быть идеальной дочерью, то будет чудесной женой.

Только нужно найти своего мужчину.

В коридоре послышались шаги – Саша и Ирина вернулись из магазина. Кристина бросилась в коридор, на лице сама собой расцвела улыбка но тут же погасла.

Ирина вошла в дом с разъяренным лицом. Не говоря ни слова, она стремительно прошла в спальню, схватила чемодан за кроватью, рывком открыла и начала швырять в него вещи, не разбирая, что берет. Движения ее были резкими, почти судорожными.

– Что происходит? – тихо спросила Кристина, осторожно заглядывая в спальню.

Ирина лишь ожесточеннее задвигала ящиками, схватила с полки шкатулку и опрокинула ее содержимое в чемодан, не обращая внимания на рассыпавшиеся по полу безделушки. Воздух в комнате будто наэлектризовался, стало трудно дышать. Кристина замерла на пороге, не зная, что сказать.

– Тебе помочь? – тихо спросила Кристина, делая осторожный шаг вперед.

Похоже, это стало последней каплей. Ирина резко развернулась, да так, что прядь волос хлестнула ее по щеке. Красивое лицо исказилось, губы растянулись в какойто хищной усмешке, обнажая зубы. В глазах вспыхнул недобрый огонь.

– Помочь? – процедила она, и голос ее зазвучал жестко, почти рычаще. – Вещи собрать? Какая молодец!

Кристина невольно отступила на полшага, чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок.

– Зачем ты их собираешь? – осторожно уточнила она.

– Потому что ухожу! – выкрикнула Ирина, швырнув в чемодан свитер так, будто он был виноват во всех ее бедах. – Я ухожу!

– Но почему? – Кристина все еще пыталась понять. – Ты же любишь Сашу

Она произнесла это тихо, но твердо, прекрасно зная, что это правда. Ирина действительно любила его – это было видно по тому, как она старалась для него, как светила, когда он улыбался ей.

– Потому что появилась ты! – Ирина ткнула в нее пальцем, и в этом жесте было столько ярости, что Кристина вздрогнула. – Ты!

– Я? – растерянно переспросила Кристина. – Но я скоро уйду. Я здесь временно.

– И ты думаешь, он тебя отпустит? – Ирина горько рассмеялась, и в этом смехе не было ни капли веселья. – Наивная!

– Почему не отпустит? Я ведь действительно временно, – повторила Кристина, стараясь говорить спокойно, хотя внутри все сжималось от тревоги.

– Дура ты наивная! – почти прошипела Ирина, с грохотом выдвигая ящик комода и выгребая оттуда белье. – А я, отличница, умница, красавица потеряла любимого мужчину изза какойто какойто беспечной дуры!

– Подожди – Кристина подняла ладони в примирительном жесте. — Объясни. Я не понимаю.

– Конечно ты не понимаешь! – Ирина резко обернулась к ней, и ее глаза сверкнули злобой. – У вас там, наверное, в детском доме, отшибают напрочь мозги?!

Кристина вздрогнула, но постаралась не показать, как ее задели эти слова.

– Тебе не идет грубость, – мягко напомнила она. – Ты ведь филолог.

– Да, я знаю! – Ирина сжала кулаки. – Но как не ругаться, когда ты все испортила?

– Что я испортила? – Кристина искренне не понимала. – Я ничего не сделала.

– Да? А тебе и не надо! – Ирина схватила с полки фотографию в рамке, ту, где они с Сашей смеялись на пляже, и с размаху поставила ее обратно, чуть не разбив стекло. – И

вообще, я сама нормально готовлю и убираю. Конечно, не сравниться с тобой, но я для него старалась, и ему нравилось, когда тебя не было. А тут ты! Такая вся идеальная И все она делает так чудесно, что чувствуешь себя неспособной, просто дерьмом! – передразнила она сама себя, и в голосе прозвучала боль, которую она так долго скрывала.

Кристина молча смотрела на нее, и в груди что-то защемило. Она вдруг увидела то, что раньше упускала: страх Ирины, ее неуверенность, отчаянное желание быть нужной.

– Но я ведь не думала, что мешаю, – тихо сказала Дукова, ощущая панику. – Я могу уйти. Прямо сейчас.

– Уйти? Серьезно?! Да кто тебя отпустит?! – Ирина резко повернулась к ней, и в ее глазах блеснули слезы. – Кто?!

– Саша – неуверенно предположила Кристина.

– Если бы ты открыла глаза, то поняла бы все, – выдохнула Ирина, и голос ее дрогнул.

– А ты наивная дура

В комнате повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь шумом ветра за окном. Он раскачивал деревья и заставлял стекла слегка дребезжать. Кристина стояла у двери, не решаясь поднять глаза, а Ирина замерла у кровати с непроницаемым выражением лица. Гдето за стеной прозвучал беззаботный смех, резко контрастируя с гнетущей атмосферой в комнате, будто напоминая, что жизнь продолжается – даже когда кажется, что все рушится.

– Перестань! Я ничего не сделала – тихо произнесла Кристина, невольно отступая к стене. Ее пальцы судорожно сжали край фартука, словно он мог дать ей опору в этой буре эмоций.

– Сделала, когда пришла к нам! – выкрикнула Ирина, и ее голос дрогнул от накопившейся боли. – Со своими пирогами, готовкой и огромными голубыми глазами! Зачем ты пришла?!

Кристина опустила взгляд, чувствуя, как внутри все сжимается.

– Ты все знаешь – едва слышно ответила она.

– Знаю! – Ирина схватилась за голову, резко запрокинула ее назад и громко взвыла, словно раненое животное. Плечи ее затряслись, пальцы вцепились в волосы. Было видно, что она на грани – отчаяние захлестывало ее с головой, размывая привычные границы самоконтроля.

– Я могу уйти – еще тише сказала Кристина. В голосе девушки прозвучала неподдельная готовность пожертвовать своими интересами.

– Да, конечно, а потом он бросится за тобой, – хмыкнула Ирина с надрывом, не глядя швыряя в чемодан какие-то вещи. Движения ее стали лихорадочными: она быстро застегнула молнию, схватилась за ручку и почти побежала к выходу. Поравнявшись с Кристиной, она остановилась на мгновение и бросила ей в лицо, почти выплевывая слова: – Ты все испортила! Только ты!

– Ирина! – раздался ледяной голос Александра.

Кристина резко обернулась. Еще никогда она не слышала в голосе Вихрева столько жесткости по отношению к девушке – тем более к той, кого он собирался назвать своей невестой. Всегда нежный, обаятельный, излучающий тепло, сейчас он стоял в дверном проеме, и его фигура казалась непривычно строгой, почти грозной.

Кристина бросилась к нему и схватила за руку, начала отчаянно трясти:

– Останови ее!

Вихрь не шевелился, лишь губы его плотно сжались, образуя жесткую линию. Взгляд был устремлен на обиженную Ирину.

– Ну же! Почему ты ее не остановишь? – в голосе Кристины зазвучали слезы.

– Потому что он никогда не в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.